

— Вернувшись из уборной той ночью, ты сел на место и начал пить чай, который стоял рядом. Чай, должно быть, давно остыл, не так ли? Я никогда не видел, чтобы человек с проблемами желудка так безрассудно пил холодный чай, — усмехнулся Фан Чжи. — Что, в душе огонь, хотел потушить?

Улыбка Линь Юна стала менее искренней, но он всё же развёл руками:

— У каждого бывают оплошности, брат Фан, зачем так строго?

Фан Чжи улыбнулся невинно:

— Именно поэтому сегодня утром во время допроса я слегка тебя протестировал.

Улыбка Линь Юна мгновенно исчезла.

— Насколько я знаю, у Тун Цзинфэя тоже есть проблемы с желудком. Во время допроса, когда ему подали холодный чай, он сразу же попросил Сяннаня заменить его на горячий, — сказал Фан Чжи. — Той ночью я заметил, что ты без колебаний выпил холодный чай, и это меня насторожило. Во время допроса мы специально подали тебе слегка остывший чай, и ты, не задумываясь, выпил его, не попросив заменить.

Линь Юн пристально смотрел на Фан Чжи:

— Смешно, разве одна чашка холодного чая может доказать, что моя болезнь — вымысел?

— Это было лишь моё предположение, но подтвердил его, — Фан Чжи подошёл к Чу Сяннаню, — наш уважаемый чудо-целитель Чу.

Чу Сяннань:

«...» Неожиданно получил новое звание.

Фан Чжи, получив от Чу Сяннаня недовольный взгляд, усмехнулся:

— Он хорошо разбирается в медицине и с лёгкостью может определить состояние по пульсу.

Линь Юн холодно усмехнулся:

— Значит, брат Чу, ты делал это намеренно.

Чу Сяннань поклонился:

— Прости, брат Линь.

Он повернулся к Лян Фансюю:

— По пульсу видно, что Линь Юн хоть и слаб, с лёгким расстройством желудка, но не настолько, чтобы вызывать рвоту или диарею. Вероятно, некоторое время назад у него действительно были проблемы с желудком, но сейчас он почти выздоровел. Если у вас остались сомнения, можно пригласить врача для более тщательного осмотра.

Взгляд Линь Юна был холоден, как лезвие:

— Брат Чу, ты слишком много надумываешь. Той ночью у меня действительно болел желудок, и

я ходил в уборную. Расстояние между Павильоном Небесного Аромата и библиотечным павильоном Тяньхун занимает хотя бы полпалочки благовоний в одну сторону. Как я мог успеть убить Цзинь Сюаня?

Фан Чжи, заметив злобный взгляд Линь Юна, сделал шаг вперёд, незаметно прикрывая Чу Сяняня:

— А как насчёт маленькой тропинки рядом с Павильоном Небесного Аромата? Это же короткий путь к Тяньхуну. Даже если идти медленно, можно добраться от Павильона до библиотеки за время одной чашки чая. Линь Юн, ты ведь не скажешь, что не знал об этой тропинке и никогда по ней не ходил?

Все в комнате замерли, затем начали перешёптываться.

— Какая тропинка? Ты слышал о ней?

— Нет, в академии нет других тропинок.

— Что Фан Чжи имеет в виду?

Линь Юн на мгновение застыл, затем сквозь зубы произнёс:

— Какой короткий путь? Я о нём не слышал.

Фан Чжи усмехнулся:

— Я так и думал, что ты не признаешься. К сожалению, грязь на твоих подошвах выдала тебя.

Линь Юн инстинктивно поджал ноги под стул, его тело начало дрожать.

— На подоле одежды и обуви жертвы были следы грязи. Той ночью ты увидел, как Тун Цзинфэй и Цзинь Сюань покинули Павильон Небесного Аромата и направились в библиотечный павильон Цинъюнь. Через некоторое время ты, под предлогом похода в уборную, незаметно последовал за ними. Возможно, ты видел, как Тун Цзинфэй ударил Цзинь Сюаня, а возможно, и нет. Когда Цзинь Сюань, шатаясь, попытался вернуться в Павильон, чтобы отомстить, ты подкараулил его рядом с Павильоном и задушил, — Фан Чжи указал на потрёпанный пояс Линь Юна. — Орудием убийства был этот пояс. В ногтях Цзинь Сюаня остались нити ткани, вероятно, он вырвал их, пытаясь сопротивляться. Затем ты подобрал лиану и подвесил его на балке.

Линь Юн крепко сжал рукава своей одежды:

— Брат Фан, ты ведь знаешь, что я из бедной семьи. У меня всего один или два пояса, и все они потрёпаны. Разве можно считать пояс орудием убийства только потому, что он потёрся?

— Тогда как ты объяснишь грязь на подошвах? Насколько я знаю, кроме этой тропинки, в Академии Боя в последнее время не было других ремонтируемых или прокладываемых дорог.

Фан Чжи, видя, что Линь Юн не может найти слов, холодно усмехнулся:

— Забыл сказать, в ногтях Цзинь Сюаня также остались следы пудры. Брат Линь, той ночью шёл дождь, и когда ты вернулся в Павильон, твоё лицо стало намного румянее, помнишь?

— Вероятно, твоё лицо изначально не было таким бледным. Ты использовал пудру своей

матери, чтобы создать видимость сильной болезни желудка и бледности лица, чтобы иметь повод покинуть трапезу в одиночку. Ты нанёс пудру на лицо, но забыл смыть её с рук. Когда ты душил Цзинь Сюаня, он не только вырвал нити с твоего пояса, но и снял пудру с твоих рук. Эта баночка с пудрой, вероятно, до сих пор спокойно лежит в твоей парте.

— Я даже подозреваю, что это было тщательно спланированное убийство. Несколько дней назад, когда ты болел желудком, ты случайно обнаружил тропинку, которая прокладывалась, и из любопытства прошёл по ней, обнаружив, что она ведёт к библиотечному павильону Тяньхун. Именно поэтому ты выбрал его как место для сокрытия тела.

— Ты задушил Цзинь Сюаня, оттащил его по тропинке, и за время одной чашки чая ты, согнувшись, дотащил его до Тяньхуна и спрятал за книжными полками. Но Цзинь Сюань был высоким и крупным, а полки в Тяньхуне старые и не могли полностью скрыть тело. Ты снял с нижних полок множество книг, чтобы прикрыть его ноги. Закончив, ты поспешил обратно и заметил, что на твоей одежде и обуви осталась грязь. Ты быстро нашёл глубокую лужу, чтобы смыть её дождевой водой, и твоя одежда и обувь стали мокрыми, даже капали.

Фан Чжи снова подошёл к Линь Юну:

— К сожалению, ты смыл грязь с одежды и обуви, но забыл про ту, что застряла в узорах на подошве. Дун Цзянь сказал, что ты всегда приходишь в академию первым, но на следующий день после убийства ты опоздал, сославшись на болезнь желудка. Однако сегодня ты снова был первым. Ты пришёл в библиотечный павильон Тяньхун, разбросал книги с полок, а затем спрятался, дождавшись, пока большинство учеников придут в академию, и только тогда вышел, притворившись опоздавшим из-за болезни.

Линь Юн сидел на деревянном стуле, окружённый стражниками, и уже потерял желание сопротивляться. Его лицо было мрачным, но глаза спокойными, и он лениво произнёс:

— Ладно, ладно, признаю, я убил эту собаку Цзинь Сюаня. Ха, что ещё я могу сказать? Пудра в моём столе, мои действия в основном соответствуют твоему рассказу, и мне лень продолжать бесполезные оправдания.

— Дерзкий Линь Юн! — гневно воскликнул Лян Фансюй. — Ты ещё молод, но сердце твоё так жестоко, это же человеческая жизнь, как ты мог так легко убить!

Линь Юн с насмешкой посмотрел на него:

— Он разве человек? Он — жизнь, а другие — нет?

Он указал на Чжао Чжэня:

— Разве его отец не был забит до смерти этим человеком?

— Я из бедной семьи, у меня нет связей. Мой отец давно умер, моя мать тяжело больна, и мне приходится учиться и из последних сил заботиться о семье! Какая там болезнь желудка, вы хоть раз чувствовали, как от усталости кровь идёт из носа и рта? В академии только первый в Красном списке может быть рекомендован для преподавания, и только это даёт таким, как я, шанс выбиться в люди. Два года я изо всех сил учился, оставаясь на первом месте, и был рад, что этот ад продлится только ещё год. Я наконец смогу выбиться в люди и заработать денег, чтобы заботиться о матери. Но что случилось в этом году?

— Семья Цзинь действительно богата и влиятельна. Этот подонок ничего не учил, только

издевался над другими, но он занял моё место на первом месте в списке. Но это не самое смешное, — Линь Юн посмотрел на директора Чжоу с презрением. — Самое смешное, что когда я рассказал об этом директору Чжоу, он обвинил меня в зависти и сказал, что я должен учиться у благородного и талантливого господина Цзинь, ха-ха-ха, как смешно!

Все в комнате замерли, с недоверием глядя на директора Чжоу.

Нет

<http://bllate.org/book/16491/1498814>